

РУССКИЕ КНЯЗЬЯ ПРИ ОРДЫНСКОМ ДВОРЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII ВЕКА (1263–1304 гг.)

Ю. В. Селезнёв

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 июля 2011 г.

Аннотация: в статье рассматриваются особенности пребывания русских князей при дворе ордынского хана в период с 1263 по 1394 гг.

Ключевые слова: Русь, Орда, монголо-татарское иго, хан, элита, Дмитрий Переяславский, Андрей Городецкий, Данила Московский, Ногай, Токта.

Abstract: the peculiarities of staying Russian princes at the court yard of Horde's khan at the period of 1263–1394 are considered in the article.

Key words: the Russia, Horde, mongolo-tatar yoke, khan, elite, Dmitry Pereyaslavsky, Andrei Gorodetsky, Danila Moskovsky, Nogai, Tokhta.

Ордынское государство на протяжении XIII–XV столетий оказывало значительное влияние на политические, общественные, экономические процессы в восточно-европейском регионе. Русские княжества оказались непосредственно вовлечены в сферу политического влияния Джучиева Улуса. Несмотря на то, что, по замечанию Н. М. Карамзина, «ханы желали единственно быть нашими господами издали, не вмешивались в дела гражданскія, требовали только серебра и повинования от Князей» [1, стб. 216], верховным правителем Руси стал считаться именно ордынский властитель. Тот же Н. М. Карамзин подчеркивает, что «государи наши торжественно отреклись отъ правъ народа независимаго и склонили выю подъ иго варваровъ» [2, стб. 22]. Этот факт позволил И. Н. Данилевскому сделать вполне закономерный вывод: признание русскими князьями сюзеренитета хана «по своему значению для дальнейшей истории Северо-Восточной, а затем и Северо-Западной Руси имело едва ли не большее значение, чем само монгольское нашествие. Впервые князю было пожаловано право представлять интересы Орды в русских землях» [3, с. 207]. При этом, как заметил А. Г. Вернадский, «ни один русский князь не имел права управлять своей землей без необходимого ярлыка на власть от хана» [4, с. 352]. Данная практика распространялась, как справедливо отметил Б. Д. Греков, не только на великих, но и на удельных князей [5, с. 220].

И такое положение дел, по наблюдениям А. А. Горского, не оспаривалось на протяжении второй половины XIII – XIV в., «не подвергалось сомнению ни по-

литическими деятелями, ни деятелями общественной мысли» [6, с. 137]. Данный факт обусловил необходимость пребывания русских князей в ставке восточного правителя на протяжении XIII–XV столетий.

В данной работе рассматриваются последовательность и особенности поездок русских князей ко двору ордынского хана во второй половине XIII в., точнее, со времени кончины Александра Ярославича Невского (1263 г.) до смерти Андрея Ярославича Городецкого (1304 г.).

Смерть Александра Невского не вызвала спора о престолонаследии. На владимирском столе, получив ярлык хана, утвердился его следующий по старшинству брат Ярослав (удельный князь Тверской). Как подчеркнул В. В. Каргалов, к «великому княжению Ярослава Ярославича относятся первые известия о непосредственном участии татар в русских делах и прямой поддержке ими великого князя» [7, с. 163]. В первую очередь источники отмечают участие великого баскака владимирского Иармагана с ордынским отрядом в готовящемся походе русских войск на Орден в 1268 г. Показательно, что, узнав о присутствии ханских войск, немцы спешно заключили мирный договор.

Активная роль ордынской власти прослеживается в событиях 1270 г. Тогда новгородцы согнали с княжения великого князя Ярослава и пригласили его племянника Дмитрия Александровича Переяславского. Однако последний отказался от их предложения. Ярослав отправил в Орду посланника с просьбой оказать ему военную помощь. Но брат великого князя Василий Костромской сумел убедить хана в правоте новгородцев, и, по данным летописей, ордынские войска были отозваны из похода с марша [8, с. 149].

Тем не менее при заключении договора великого князя с Новгородом присутствовали ордынские послы. Причем, как отмечено на обороте грамоты, они прибыли с особыми полномочиями, которых в отношении новгородской земли ранее не отмечалось: «Се приехаша послы от Менгу Темеря цесаря сажать Ярослава с грамотой Чевгу и Баиши» [9, с. 11], то есть, по сути, хан Менгу-Темир выдал особый ярлык Ярославу на княжении в Новгороде, а возведение в новгородские властители осуществляли уполномоченные ханские послы.

Показательно, что следующий великий князь владимирский Василий Ярославич (удельный князь Костромской), ранее выступавший защитником новгородских вольностей, в 1273 г. вступил в конфликт с вольным городом. Причины конфликта источники не называют. В. В. Каргалов выдвинул предположение, что выступление новгородцев было «как-то связано с подготовкой новой татарской переписи» [7, с. 165]. Именно к этому году Новгородская IV летопись относит «число второе из Орды от царя» [10, с. 42]. Новгородцы вновь призвали на стол Дмитрия Александровича, который на сей раз согласился. Однако великий князь Василий «с великим баскаком Иаргаманем, со князем Айдаром, с многими татарами царевыми» разорил новгородские волости (в частности, взял Торжок, где посадил своего наместника). Одновременно тверской князь Святослав Ярославич «иде с татарами царевыми и воеваша Новгородския власти: Волокъ, Бежечи, Вологду» [11, с. 151–152]. В результате Дмитрий покинул Новгород, а князем был признан Василий. Таким образом, как отметил В. В. Каргалов, «в связи с продолжавшимся ослаблением великокняжеской власти непосредственное вмешательство татар в русские дела усиливалось» [7, с. 165].

Необходимо отметить, что младшие братья-Ярославичи – Ярослав и Василий – провели в ставке ордынского хана в общей сложности по полтора года. При этом Ярослав ездил в Орду дважды, а Василий – трижды.

Доля пребывания в Орде у Ярослава составила 3,6 % от лет жизни (42), 5,8 % от удельного княжения (26 лет) и 16,7 % от великого княжения (9 лет). У Василия соответственно: 4,3 % – от лет жизни (35), 3,3 % – от времени удельного княжения (ок. 30), 12,5 % – от великого (4 года).

После смерти в начале 1277 г. великого князя Василия власть переходит к следующему по старшинству представителю рода, старшему сыну Александра Невского Дмитрию (удельному князю Переяславскому). Причем, источники не фиксируют поездки в этом году князя (или уполномоченных лиц для получения ярлыка). Однако, вероятно, официальное оформление вассальных отношений все же состоялось.

Летописи достаточно подробно описывают учас-

тие русских войск в этот период во внешнеполитических мероприятиях Орды. В частности, зимой 1274–1275 гг. ордынцы совершили поход на Литву [12, стб. 871–874]. При возвращении в степь татары разорили территорию Курского княжества [13, с. 74; 12, стб. 872–873; 14, с. 172; 11, с. 152; 8, с. 151]. Галицко-Волынский летописец охарактеризовал положение в данный период русских князей по отношению к ордынскому хану в емкой и четкой фразе: «Тогда бо бяху вси князи в воли в тотарьской» [15, с. 306].

В 1277 г. русские князья участвовали в походе на Северный Кавказ (на «Ясы»), который возглавлял лично хан Менгу-Темир. Русско-ордынские войска подошли «ко Яскому городу ко славному Дедакову взяша его месяца февраля в 8 и многу корысть и полонь взяша, а противных избиша бесчисленно, град же их огнем пожгоша» [8, с. 152]. Причем летописец особо подчеркнул, что участвовавших в походе князей Глеба Белозерского, Федора Ярославского, Андрея Городецкого «Менгутемир добре почести ... и похвали их вельми и одаривъ их отпусти въ свою отчину» [там же]. В следующем 1278 г. Федор Ярославский и его зять Михаил Ростовский участвовали со своими дружинами в войне ордынцев в Дунайской Болгарии [там же].

Таким образом, участие русских княжеских дружин в военных действиях в интересах ордынских ханов свидетельствует о продолжении фактического втягивания русских княжеств в ордынскую систему государственности.

Следующим этапом, связанным с усилением зависимости русских земель от Орды, необходимо признать 1280–1290-е гг. Непосредственно это было связано с появлением фактически второго политического центра в степи. Как подчеркнул А. Н. Насонов, один «из выдающихся золотоордынских военачальников темник Ногай занял обширную территорию к северу от берегов Черного моря, охватывающую значительную часть Южнорусской равнины к востоку от реки Десна» [16, с. 123]. Со смертью в 1280 г. хана Менгу-Тимура принято связывать прямое образование второго военно-политического лагеря в Орде [подробнее о возвышении Ногай см.: 24, с. 67–70].

Именно в начале 80-х гг. XIII в., а точнее, зимой 1281–1282 гг., в Северо-Восточной Руси начинается усобица между братьями-Александровичами. Андрей Александрович, удельный князь Городецкий, «испробивъ себе княжение великое подь братомъ своимъ» [13, с. 78], выдвинулся с «погаными Татарами» на Переяславль, где был удельным князем его старший брат Дмитрий, который и являлся великим князем владимирским. Ордынские войска разорили Муром и окрестности Владимира, Юрьева, Суздаля, Ростова и Твери, а 19 декабря 1281 г. [О датировке событий см.:

18, с. 286–287, 289, 356; 19, с. 15–16] захватили Переяславль. Князь Дмитрий покинул город и попытался укрыться в Копорье. Однако новгородцы, чьей территорией считалась крепость, отказали ему в убежище, и он укрылся, скорее всего, у своего зятя Довмонта во Пскове. Андрей сел на столе в Новгороде. Однако, как только ордынский отряд покинул пределы русских земель, несмотря на поддержку новгородцев, Андрей вынужден был уступить власть своему старшему брату. Тогда Городецкий князь вновь привел войска на Русь и, как отмечает Симеоновская летопись, «сътвори зло въ земли Суждалской также якоже прежде сказахом» [13, с. 78]. Князь Дмитрий предпочел бежать в Ногаеву Орду. Здесь ему удалось получить подтверждение своих властных полномочий, и уже в конце 1283 г. он с ордынским отрядом и братом Андреем приводит к покорности новгородскую вольницу [20, с. 225–226; 13, с. 79]. На короткое время усобица затихает.

По всей видимости, после смерти хана Менгу-Тимура Андрею удастся первым прибыть ко двору нового хана Туда-Менгу (вступил на престол в августе 1281 г.) за ярлыком на удел и убедить последнего, что великий князь Дмитрий не соответствует великокняжескому статусу. Необходимо отметить, что источники не фиксируют поездок Переяславского князя в степь до отъезда его к Ногаю в 1282 г. Возможно, инициатива походов исходила вовсе не от Андрея (или не только от него), а от новой верховной власти, потребовавшей личной явки великого князя ко двору хана за ярлыком. Когда же Дмитрий прибыл в ставку, пусть не хана, но не менее могущественного правителя [о статусе Ногая в Орде подробнее см.: 17, с. 70–75], формальности были соблюдены, и ордынская власть перестала поддерживать Андрея. Кроме того, по справедливому мнению А. А. Горского, «можно полагать, что за время длительного пребывания Дмитрия в его улусе Ногаю удалось, используя свое влияние при дворе Туда-Менгу (который вскоре после воцарения отошел от государственных дел) добиться подтверждения ярлыка на великое княжение, полученного Дмитрием прежде от Менгу-Тимура» [19, с. 14–15].

Данная логика событий вписывается в следующий этап эскалации событий. В 1285 г. «князь Андрей приведе царевича, и много зла сътворися крестьяномъ. Дмитрии же, съчтався съ братью, царевича прогна, а боляры Андреевы изнима» [10, с. 246; 21, стб. 526]. Никаких карательных последствий данный шаг Дмитрия не имел. Такое могло быть лишь в случае, если «царевич» (а «царевичами» в русской письменной традиции называли чингизидов) действовал без ханского указа. Но, тогда «царевич» должен был быть наказан ханом. Вероятно, такой факт не ускользнул бы от внимания летописца.

Сложившиеся обстоятельства четко указывают на то, что именно к периоду 1285–1286 гг. следует относить отстранение от власти хана Туда-Менгу. Ведь по сведениям Рашид-ад-Дина он царствовал «некоторое время», затем власть узурпировали «под тем предлогом, что он помешан», сыновья Менгу-Тимура, Алгуй и Тогрыл, и сыновья Торбу – Тула-Бука и Кунчек и «сами совместно царствовали пять лет». Поскольку убийство Тула-Буки и Алгуя произошло в 1291 г. (4 января – 23 декабря), то отречение Туда-Менгу необходимо отнести к 1285–1286 гг. При этом арабский автор Бейбарс отмечает, что Туда-Менгу правил также пять лет, а вступил он на престол в августе 1281 г. В этом случае также получаем дату – 1286 г. [22, с. 72–73; 23, с. 22, 29, 49–52, 69, 86, 91, 100, 211]. Полученная дата также соответствует мартовскому 1285–1286 гг. русских летописей. Вероятно, воспользовавшись безвластием в степи, Андрей и привел ордынскую рать, которая была разгромлена Дмитрием. Данное поражение, а также то, что новым ханом Орды стал ставленник покровителя Дмитрия Ногая Тула-Бука, на время остудило притязания князя Андрея на великокняжеский престол.

В то же время, нарастание противостояния между Ногаем и центральной властью в лице хана Тула-Буки ярко прослеживается на примере событий в Курском княжестве. Ордынский баскак Ахмат, вероятно, ставленник Ногая, организовал во владениях князей Воргольского и Липовичского две слободы. В них начал стекаться народ, привлекаемый, видимо, установленными льготами. Это наносило экономический урон князьям, и они отправили жалобу хану Тула-Буке. Хан дал Олегу Рыльскому и Воргольскому «приставы» и слободы были уничтожены. Однако Ахмат привел войска от Ногая и разорил территорию княжества. Князья бежали: Святослав Липовичский в Воронежские леса, Олег – к Тула-Буке. В апреле Святослав «без царева слова» напал на баскаческий отряд и уничтожил его. Олег поссорился из-за этого с Липовичским князем, привел от хана отряд и убил Святослава с двумя сыновьями. Позже его брат привел отряд, вероятно, от Ногая. Олег погиб [24, с. 7–39]. Как установил В. А. Кучкин, данные события произошли в 1289–1290 гг. [25, с. 48].

В 1291 г. при активном участии Ногая ханом становится Токта (Тохта). Вероятно, ордынский временщик был вполне уверен в своем ставленнике. Однако тот начинает постепенно усиливать свою политическую роль. В 1293 г. произошло нашествие на Владимирское княжество ордынских войск во главе с братом хана Токты Туданом или «Дюденева рать». Любопытно, что Симеоновская летопись отмечает только, что «бысть въ Русской земли Дюденева рать на великаго князя Дмитрея Александровича» [13, с. 82–83], тогда как Московский летопис-

ный свод подчеркивает, что «Князь Андрей Александрович иде во Орду и со иными Русскими князи, и жаловася на брата своего на великого князя Дмитрея Александровича» [8, с. 157]. Таким образом, в первом случае поход ордынских войск выглядит как инициатива хана, тогда как во втором – инициатива противников Дмитрия Переяславского. Надо полагать, что в данной ситуации интересы сторон совпали как нельзя лучше. В результате крупномасштабного нашествия было разорено 14 городов Владимиро-Суздальской Руси. Как отметил В. В. Каргалов, записи «о том, что Дюдень разрушил такое же количество городов, как и Батый (14), подчеркивают сопоставимость в глазах летописцев этих двух походов» [7, с. 170]. В начале 1294 г. Дмитрий умирает.

Князь Дмитрий – единственный князь, занимавший великокняжеский престол, о котором нет свидетельств о его поездке в Орду за ярлыком. Это позволило Н. М. Карамзину утверждать, что Дмитрий Александрович отправился сразу же в Новгород, а не на поклон к хану [2, стб. 79]. Однако известно, что князь Василий Ярославич Костромской, занимавший Владимирский престол перед Дмитрием, скончался в январе 1277 г. [13, с. 75]. А на новгородский стол Дмитрий сел «в нѣделю на всех святых» [20, с. 323]. Память всех святых, празднуемая православными христианами в седьмую неделю по Пасхе, приходилась в 1277 г. на 23 мая (сама Пасха была 28 марта). Таким образом, между посажением на престол в Новгороде и смертью Василия Ярославича прошло не менее четырех месяцев – время на дорогу в Орду и обратно. Однако времени на пребывание в ставке хана в таком промежутке мы не наблюдаем. Тем не менее, в случае смерти князя Василия в начале января 1277 г. получаем период чуть менее пяти месяцев, за который князь Дмитрий вполне мог успеть съездить за ярлыком в ставку хана. (К примеру, поездка князя Семиона Гордого с братьями в ставку хана в 1340 г. заняла около пяти месяцев [26, с. 53]. Чуть больше пяти месяцев (15 июня – 25 ноября) заняла поездка в Мамаеву Орду в 1371 г. князя Дмитрия Ивановича Московского [26, стб. 95–97; стб. 433]).

За свои 44 года князь Дмитрий Александрович провел в ставке хана около 2 % от лет жизни (44), 1,7 % от лет удельного княжения (30) и около 3 % от лет великого княжения. Это составило около года.

После смерти Дмитрия неоспоримым главой Владимирской Руси становится его младший брат Андрей. Тем не менее конфликтность ситуации не была изжита. Во-первых, новому великому князю противостоял Иван Дмитриевич Переяславский, который, судя по всему, искал поддержки против дяди Ногая [см. например: 19, с. 26]. Во-вторых, осенью

1296 г. новгородцы изгнали наместников Андрея и пригласили на княжение его младшего брата Данилу Александровича Московского. Тот заключил договор с Михаилом Ярославичем Тверским. Таким образом против Андрея сложилась прочная коалиция князей, один из которых (Данила Московский) являлся следующим по старшинству после Городецкого князя и мог претендовать на владимирский престол.

В конце 1296 г. Андрей Александрович пришел из Орды от хана Токты в сопровождении посольства во главе с Алексой Неврюем. Он двинулся на Переяславль. Но в отсутствие Ивана, который, видимо, был в Ногаевой Орде, его союзники Данила Московский и Михаил Тверской выдвинули свои войска навстречу Андрею и Алексе Неврюю. Как подчеркнул А. А. Горский, завязавшиеся «между сторонами переговоры приняли форму княжеского съезда во Владимире» [19, с. 26]. На съезде великому князю Андрею Александровичу Владимирскому, Федору Ростиславичу Ярославскому и Константину Борисовичу Ростовскому противостояли Данила Александрович Московский и Михаил Ярославич Тверской. Как отметил летописец: «И за малым упасл Бог кровопролитья, мало бою не было; и поделившися княжением и разъехашася в свояси» [27, стб. 364; 13, с. 83; 28, с. 99; 29, с. 483; 7, с. 170; 30, с. 47; 31, с. 311; 16, с. 79]. По аргументированному мнению А. А. Горского, «именно в конце 1296 или в начале 1297 г. во Владимире старшие князья «проногаевской» группировки «отступились» от своего сюзерена <...> признали себя вассалами Тохты и обязались не оспаривать прерогатив Андрея (что выразилось в возвращении ему новгородского стола); благодаря этому волжский хан по приезде их младшего союзника от Ногая не стал отнимать у него княжение» [19, с. 27].

Андрей Александрович еще один раз ездил в Орду. Его отъезд летописи фиксируют летом 1302 г. [20, с. 91, 330; 11, с. 174; 8, с. 393], а возвращение – осенью 1303 г.: «прииде из Орды с послы и жалованием церковным» [8, с. 393]. Поскольку мартовский 6810 (1302) г. завершился 28 февраля, то поездка князя заняла не менее семи месяцев. Поездка 1302–1303 гг. в Орду князя Андрея Александровича была для него последней. 27 июля 1304 г. он скончался.

Князь Андрей совершил семь поездок в ставку хана и провел там в общей сложности четыре года. От его лет жизни (49) это составило около 8 %, от лет удельного княжения (42) – около 7 %, от лет великого княжения (9) – около 11 %.

Таким образом, именно верховная ордынская власть в конце XIII в. стала главным арбитром в делах Владимиро-Суздальской Руси. Это показатель весьма значительной вовлеченности русских князей в ордынскую политическую систему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карамзин Н. М. История Государства Российского / Н. М. Карамзин. – СПб., 1842. – Т. 5.
2. Карамзин Н. М. История Государства Российского / Н. М. Карамзин. – СПб., 1842. – Т. 4.
3. Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.) : курс лекций / И. Н. Данилевский. – М., 2001.
4. Вернадский В. Г. Монголы и Русь / В. Г. Вернадский. – Тверь ; М., 1997.
5. Греков Б. Д. Золотая Орда и ее падение / Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. – М. ; Л., 1950.
6. Горский А. А. «Всего еси исполнена земля русская...» : личности и ментальности русского средневековья / А. А. Горский. – М., 2001.
7. Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси : феодальная Русь и кочевники / В. В. Каргалов. – М., 1967.
8. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). – Т. XXV. – М. ; Л., 1949.
9. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М. ; Л., 1949.
10. ПСРЛ. – Т. IV. – Ч. I. – М., 2000.
11. ПСРЛ. – Т. X. – М., 1965.
12. ПСРЛ. – Т. II. – М., 1962.
13. ПСРЛ. – Т. XVIII. – СПб, 1913.
14. ПСРЛ. – Т. VII. – СПб., 1856.
15. Галицко-Волынская летопись // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 5 : XIII век. – СПб., 2000.
16. Насонов А. Н. Монголы и Русь / А. Н. Насонов // Арабски истории. – Вып. 3/4 : Русский разлив. – Т. 1. – М., 1994.
17. Селезнев Ю. В. Ногай – полководец и политик Золотой Орды / Ю. В. Селезнев // Новик. – Вып. 3. – Воронеж, 2000.
18. Бережков Н. Г. Хронология русского летописания / Н. Г. Бережков. – М., 1963.
19. Горский А. А. Москва и Орда / А. А. Горский. – М., 2000.
20. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). – М. ; Л., 1950.
21. ПСРЛ. – Т. I. – М., 2001.
22. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей : в 3 т. / Рашид-ад-Дин. – М. ; Л., 1952. – Т. II.
23. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / В. Г. Тизенгаузен. – М. ; Л., 1940. – Т. 2.
24. Кучкин В. А. Летописные рассказы с упоминанием князя Святослава Липовичского: историография, древнейшие тексты, хронология и география событий / В. А. Кучкин // Липецк : начало истории. – Липецк, 1996.
25. Кучкин В. А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата / В. А. Кучкин // Средневековая Русь. – Вып. 1. – М., 1996.
26. ПСРЛ. – Т. XV, вып. 1. – М., 1965.
27. ПСРЛ. – Т. VI, вып. 1. – СПб., 1862.
28. ПСРЛ. – Т. XXX. – М., 1965.
29. Астайкин А. А. Летописи о монгольских вторжениях на Русь : 1237–1480 гг. / А. А. Астайкин // Арабски истории. – Вып. 3/4 : Русский разлив. – Т. 1. – М., 1994.
30. Каргалов В. В. Свержение монголо-татарского ига / В. В. Каргалов. – М., 1973.
31. Кривошеев Ю. В. Русь и монголы : исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. / Ю. В. Кривошеев. – СПб., 1999.

Воронежский государственный университет

Селезнев Ю. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России

E-mail: yuras75@mail.ru

Тел.: 8(473) 224-75-14

Voronezh State University

Seleznnev Yu. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Russian History Department

E-mail: yuras75@mail.ru

Tel.: 8(473) 224-75-14